

VI. Современные методы текстологии

1. Классический метод

Текстологический метод, широко применявшийся издателями классических греко-латинских текстов, состоит из двух этапов — рецензии и исправления. Рецензия — это отбор наиболее достоверных данных, лежащих в основе текста, после изучения всех имеющихся материалов. Исправление — это попытка исключить те ошибки, которые можно найти даже в самых лучших рукописях²²⁸.

Классический метод стал применяться в текстологии в эпоху Возрождения и позднее, когда внимание людей было приковано к поддельным постановлениям пап и вставал вопрос о раскрытии фальсификаций в церковной истории и истории образования некоторых религиозных орденов. Критический задор ученых был разожжен также появлением большого числа поддельных текстов; например, некто Джованни Нанни (или Иоанн Анний, 1432—1502), доминиканский монах из Витербо, пытался выдать 17 поддельных трактатов за оригинальные произведения древних греческих и латинских авторов²²⁹.

Более смелый подход к критическому изучению церковных документов нашел выражение в XVI в. в деятельности Матиаса Флация и группы лютеранских ученых, создавших известные «Магдебургские центурии». Они впервые описали историю Церкви с протестантской точки зрения. В 1675 г. ученый-иезуит Даниэль Папebroк (Daniel Papembroch) навлек на себя гнев бенедиктинцев из-за того, что поставил под сомнение подлинность документов, составляющих историческую основу некоторых бенедиктинских монастырей. Образованные бенедиктинские монахи из коллегии св. Мавра приняли этот вызов и тем самым способствовали появлению новой науки — палеографии, которая датирует рукописи по манере письма и другим признакам. Первым трактатом, который рассматривал палеографические особенности латинских официальных документов, стал монументальный труд Мауриста Жана Мабилльона (Maurist Jean Mabillon) (1632—1707) под названием *De diplomatica* (Paris, 1681). Эта новая научная область была апробирована на материале греческих рукописей другим бенедиктинцем, Бернаром де Монфоконом (Bernard de Montfaucon) (1655—1741), в книге «*Palaeographica graeca*» (Paris, 1708).

Использование критических методов в издании классических текстов было введено благодаря трем немецким ученым — Фридриху Вольфу (Friedrich Wolf) (1759—1824), одному из основателей классической филологии, Иммануилу Беккеру (Immanuel Bekker) (1785—1871) и Карлу Лахману (Karl Lachmann) (1793—1851). Беккер посвятил свою жизнь подготовке критических изданий греческих текстов. Передача большого числа рукописей в публичные библиотеки в результате переворота после Французской революции, позволила сделать обширные коллажи манускриптов более древних, чем те, которые раньше были доступны исследователям. Беккер сделал коллажи около 400 рукописей, объединил существующие рукописи каждого автора в группы и издал 60 томов исправленных текстов греческих авторов. Как сказано выше, Лахман пошел в своих исследованиях дальше, чем Беккер, продемонстрировав, каким образом можно сделать вывод об утраченных архетипах, их состоянии и даже пагинации.

²²⁸ Точное описание этих этапов см. *Maas P. Textual Criticism*. Oxford, 1958. Другие полезные сведения о классическом подходе к текстологии см. *Jebb R. C. A. Companion to Greek Studies*. Ed by Leonard Whibley. Cambridge, 1906, pp. 610—623; *Postgate J. P. A Companion to Latin Studies*, ed. by Sandys J. E. Cambridge, 1910, pp. 791—805; *Havet L. Manuel de critique verbale appliquee aux textes latins*. Paris, 1911; *Hatt F. W. A Companion to Classical Texts*. Oxford, 1913, pp. 108—198; *Kantormvicz H. Einfuhrung in die Textkritik*. Leipzig, 1921; *Bieler L. "The Grammarian's Craft"* в *Folia: Studies in the Christian Perpetuation of the Classics*, X, 1956, pp. 3—42.

²²⁹ Книга «*Annius, De Commentariis antiquitatum*», Rome, 1498 включала произведения Ксенофонта, Бероса, Катона, Антонина Пия, Манефона, Филона Александрийского, Кая Семирония и Мирсила, которые он якобы нашел при раскопках. См. «*Nanni*» в *Bayle, Dictionaire historique et critique* и «*Annius*» в *Ersch J. S. and Gruber J. G. Allgemeine Encyclopedic*, а также *Farrer James, Literacy Forgerier*, London, 1907, pp. 67—81.

Основной принцип, который лежит в основе построения родословной рукописей, состоит в том, что *идентичность чтений подразумевает идентичность происхождения*. Для наглядности представим, что имеется семь рукописей какой-то древней книги, и что в определенном месте в трех из них отсутствует предложение, которое тем не менее есть в других четырех. Имея в виду данное обстоятельство, мы можем предположить, что либо источник, общий для трех рукописей, исключил это предложение, либо исходная рукопись остальных четырех его прибавила. Далее предположим, что мы обнаружили, что одна из семи рукописей (обозначим ее А) во многом отличается от других шести, тогда как В, С и D, с одной стороны, и Е, F и G — с другой, очень похожи. Мы можем сказать, что В, С и D образуют семью с гипотетически общим предком, которого обозначим буквой X, а Е, F и G образуют другую семью с общим источником Y. Чтения X, которые можно установить, сравнив чтения BCD, будут считаться более ранними и достоверными, чем отдельно взятые чтения из В, С или D. То же будет справедливо и в отношении чтений Y, установленных из сравнения Е, F и G. Можно сделать следующий шаг и сравнить чтения X и Y, а также чтения А и, таким образом, выявить чтения еще более раннего источника (назовем его Z), гипотетического архетипа всех рукописей.

Нельзя утверждать, что, поскольку В, С и D имеют общее чтение, которого нет в А, оно имеет в несколько раз больше шансов считаться более достоверным, чем чтение из А. Очевидно, при условии тождественности остальных частей, существует вероятность 50 на 50, что одно из двух чтений является подлинным, поскольку там, где В, С и D имеют общие места, они представляют рукопись X, которая так же далеко отстоит от архетипа (Z), как и А. Таким образом, вместо того, чтобы подсчитывать число рукописей, поддерживающих данное чтение, издатель должен оценить их значимость в соответствии с отношениями между ними.

Однако зачастую построению родословной препятствуют определенные трудности. Приведенный выше пример показывает, что линии, обозначающие следующие поколения рукописи, независимы друг от друга. Сложность возникает при смешении, то есть когда писец работал с двумя или более рукописями или когда он переписывал рукопись с одного варианта, а исправлял его по другому. В той степени, в которой рукописи имеют "смешанного" предка, генеалогические отношения между ними становятся все более сложными и запутанными для исследователя²³⁰.

2. Выступления против классического метода в текстологии

Жозеф Бедье

На протяжении XX столетия генеалогический метод подвергался критике во многих научных кругах; некоторые ученые полностью от него отказались, другие же свели его применение к очень ограниченной области. К первой группе принадлежал Жозеф Бедье (Joseph Bedier), издатель нескольких средневековых документов. Во время подготовки очередного издания "Le Lai de l'Ombre par Jean Renart" (Paris, 1913) Бедье объявил, что не доверяет генеалогическому методу по ряду причин. 1) На практике применение этого метода почти всегда приводит к построению родословной с двумя ветвями источников (обстоятельство, вызвавшее у Бедье подозрение, что издатели просто втискивают данные в заданную модель). 2) Многие могут выступать за создание нескольких различных родословных в классификации рукописей. Его собственный метод состоял в том, чтобы выбрать ту рукопись, которая кажется наиболее достоверной, основывая свой выбор на

²³⁰ Генеалогическое смешение широко распространено в передаче текста большинства произведений латинской отеческой литературы; описание этого процесса см. *Bevenot M. S. J. The Tradition of Manuscripts: a Study in the Transmission of St. Cyprian's Treatises. Oxford, 1961.* О проблемах, встающих перед издателем греческих патристических документов, см. *Musurillo H. Some Textual Problems in the Editing of the Greek Fathers. — Texte und Untersuchungen, 128, 1961, pp. 85—96.*

грамматической целостности, связности смысла, простой и правильной орфографии, а затем привлечь другие рукописи для исправления единичных чтений избранной рукописи²³¹.

Среди исследователей Нового Завета, которые разделили скептическое отношение Бедье к генеалогическому методу, можно выделить Леона Ваганэ (Leon Vaganay) и Эрнста Кадмана Колуэлла (Ernst Cadman Colwell). Первый утверждал, что “применительно к новозаветным текстам этот метод бесполезен”²³². Второй же высказался более осторожно: “генеалогический метод нельзя называть ведущим... С его помощью можно схематично выразить лишь историю передачи текстов в области, жестко ограниченной временем и пространством... Но в более широкой области, где ставятся более сложные вопросы, этому методу придется доказать свою незаменимость для реконструкции подлинного текста Греческого Нового Завета”²³³.

Оценивая справедливость критики Бедье, необходимо заметить, что существует более невинное объяснение того, что почти все родословные образуют две ветви. С математической точки зрения, по признанию Мааса (Maas), “мы не должны забывать, что из двадцати двух типов возможных родословных, где имеется три источника, только один образует три ветви”²³⁴.

Критика, которую Бедье направил на методологию Лахмана, правомерна лишь в том случае, если рукописи рассматриваются как устойчивые образования, которые, как и напечатанный текст, нельзя изменить. Напротив, после того как с рукописью поработал переписчик, она продолжает жить и изменяться — как свидетельствуют многочисленные вычеркивания, исправления, добавления, глоссы и замечания, которые читатели делают на полях. Следовательно, нужно принять во внимание то, что можно назвать последовательными “этапами образования рукописей”²³⁵, равно как и возможность происхождения от нескольких источников.

Досадная двойственность, возникающая из-за построения одинаково убедительных, но в то же время разных классификаций одних и тех же рукописей, не должна быть причиной отказа от метода, разработанного Лахманом. Учитывая, что некоторые рукописи имеют более одного предка, текстолог может пойти на компромисс в применении чисто эклектического метода, выдвинутого Бедье, и генеалогического подхода классической текстологии. Предположим, что существует пять рукописей А, В, С, D и E, где число строк нельзя определить точно. Мы не можем сказать, например, что ABC образуют одну семью, происходящую от общего предка, а DE — другую семью. Сравнительный анализ показывает, однако, что определенные характерные чтения являются общими для группы ABC, но они отсутствуют в D и E. Данные свидетельствуют, что некая рукопись с такими характерными чтениями является одним из членов родословной, общей для А, В и С, хотя эта родословная может быть смешанной.

Следовательно, можно сделать вывод, что, несмотря на наличие большого количества смешанных родословных новозаветных рукописей, текстолог должен попытаться обнаружить черты более или менее близких групп рукописей. Такая процедура ясно показывает, что тип текста Нового Завета, именуемый койне (или византийский текст) является вторичным и характеризуется теми признаками, которые с классической наглядностью выделил Хорт. Более того, путаница, препятствующая четкому распределению членов малых групп рукописей, доказывает как существование таких групп, так и их происхождение от общего архетипа, который претерпел подобные вмешательства (как, например, позиция перико-пы о женщине, взятой в прелюбодеянии в Лк.21:38 в *fam.* 13)²³⁶.

²³¹ Кроме предисловия к изданию 1913 г., см. полное изложение точки зрения Бедье в “La Tradition manuscrite du “Lai de l’Ombre”: Reflexions sur l’art d’editer les anciens textes”. — *Romania*, liv, 1928, pp. 161 — 196, 321—356.

²³² Vaganay *l’Initiation a la critique textuelle neotestamentaire*. Paris, 1934, p. 60; Англ. пер., p. 71.

²³³ Colwell E. C. *Genealogical Method: its Achievements and its Limitations*. — *Journal of Biblical Literature*, LXVI, 1947, p. 132. См. также его статью “The Significance of Grouping of New Testament Manuscripts”. — “*New Testament Studies*”, IV, 1958, pp. 73—92.

²³⁴ Maas, *op. cit.*, p. 48.

²³⁵ Обсуждение значения подобных исправлений, отмечающих последовательные этапы в истории передачи документов, см. *Irigoin J. Stemmas bifides et etats des manuscrits*. — *Revue de philologie*, LXXX, 1954, pp. 211—217.

²³⁶ Хотя наличие смешения в новозаветных рукописях делает, в большей или меньшей степени, воссоздание точного генеалогического древа невозможным, само смешение в какой-то мере компенсирует этот недостаток. Как отмечает Зунц

Альберт К. Кларк

Одна из аксиом классической текстологии звучит так *brevior lectio potior*, что означает: более короткое из двух разночтений, возможно, является подлинным. Это правило, которое признавалось и учеными-классиками и библеистами, было поставлено под сомнение в 1914 г. Альбертом К. Кларком (Albert C. Clark), профессором латинского языка, в его лекции, прочитанной в Оксфордском университете²³⁷. Исследования рукописей, содержащих речи Цицерона, привели Кларка к мысли о том, что единичные пропуски были гораздо более распространенной ошибкой писцов, чем вставки. Четыре года спустя Кларк опубликовал обширный трактат «Происхождение рукописей» (Оксфорд, 1918), в котором показал, что многие пропуски в классических текстах соответствуют числу букв в строке средней длины подлинника. Из двух текстов, более длинного и более короткого, появление второго можно объяснить тем, что писец пропустил одну или более строк. Как объясняет Кларк, «текст подобен путешественнику, который переезжает из одного постоянного двора в другой, теряя при каждой остановке один предмет из своего багажа»²³⁸.

Кларк применял принцип *longior lectio potior* к тексту Евангелий и Деяний Апостолов²³⁹. В результате западная форма текста, будучи более длинной, приобрела более важное значение, чем в системе Весткота-Хорта. Если Хорт не смог по достоинству оценить западный текст, то Кларк не увидел преимуществ нейтрального текста, который он рассматривал как результат случайных пропусков многих строк средней длины.

Теорию Кларка о случайных пропусках писцов подвергли критике многие известные текстологи, такие как Сэнди (Sanday), Саутер (Souter) и Кеньон (Kenyon). Последний, например, указывал, что: 1) вариативность в длине строк в манускриптах делает метод подсчета букв ненадежным, за исключением очень коротких кусков текста; 2) случайные пропуски не объясняют регулярного переписывания пропусков, которые изменяют смысл; 3) большинство вариантов содержат не пропуски, но разнообразие формулировок; 4) узкие столбцы, которые являются необходимым условием по теории Кларка, крайне редко встречаются в ранних папирусах (аргумент, который приобретает все больший вес, поскольку в значительном числе вновь найденных папирусов текст располагается в относительно широких столбцах). Кроме того, обстоятельства передачи евангельских повествований и речей Цицерона были во многом отличны. Церковь сохранила много преданий о делах и высказываниях Христа, которые не получили отражения в Евангелиях (ср. Ин.21:25). Они естественным образом проникали в текст Евангелий из двух источников: помет, сделанных на полях других рукописей, и бережно хранящей предания памяти Церкви. При последующем изучении западного типа текста Деяний Кларк вновь вернулся к проблеме различия размеров текста²⁴⁰. На этот раз он практически отказался от теории случайных пропусков и серьезно задумался над выдвинутым в XVII в. Жаном Леклерком предположением о том, что автором двух изданий Деяний Апостолов был Лука. Эта гипотеза выводит проблему из области простой передачи текста путем его переписывания, заставляя поставить вопрос о тщательной издательской правке со стороны автора или издателя, о значимости которой нужно судить, исходя не только из текстологических принципов. Необходимо заметить, однако, что сравнение тенденций в развитии текстологии «Илиады» и «Махабхараты», двух великих национальных эпических произведений, передача которых позволяет провести определенные параллели с передачей Евангелий, является поучительным для исследователя новозаветного текста. Текстологи, изучающие данные образцы

(Zuntz) (*Classica et Mediaevalia*, III, 1940, p. 24), чем шире «перекрестное опыление» рукописей, тем меньше вероятность, что любое древнее чтение, подлинное или нет, могло бесследно исчезнуть.

²³⁷ Clark A. Recent Developments in Textual Criticism. Вступительная лекция, прочитанная перед университетом 6 июня 1914 года. Oxford, 1914.

²³⁸ Journal of Theological Studies. XVI, 1915, p. 233.

²³⁹ Clark A. The Primitive Text of the Gospels and Acts. Oxford, 1914.

²⁴⁰ Clark A. C. The Acts of the Apostles. Oxford, 1933.

квазирелигиозной литературы, убеждены, что ни в одной поэме никто из писцов не пропустил сколько-нибудь значительную часть текста²⁴¹.

3. Статистические методы текстологии

Дон Анри Квентэн

Некоторые исследователи пытались заменить (или по крайней мере параллельно использовать) генеалогический метод чисто статистическим анализом различий. Изучая рукописную традицию латинской Вульгаты Ветхого Завета, Дон Анри Квентэн (Dom Henry Quentin) изобрел так называемое “железное правило” (*regie defer*), согласно которому он применил ко всем различиям жесткий механический метод. Вот его краткое описание:

С самого начала я отверг мысль о первоначальных чтениях. Для меня не существует ошибок, общих недостатков, а также плохих и хороших чтений. Передо мной — лишь разные формы текста. Затем при помощи статистического метода я отделяю одну семью от другой, классифицирую рукописи, входящие в каждую конкретную семью, и, наконец, классифицирую сами семьи. Такая классификация создает критический канон, лежащий в основе “железного правила”, в установлении текста, а используя его, я могу реконструировать архетип, который ближе всех стоит к оригиналу. Тогда, и только тогда я позволяю себе думать об оригинале. Я исследую текст с этой точки зрения, а там, где архетип является явно ложным, исправляю его, используя ресурсы внутренней критики; тем не менее я обязательно указываю, что в таком-то месте отталкивался от текста, который получился в результате применения критического канона²⁴².

Для статистического изучения чтений (тогда он не называл их вариантами) Квентэн изобрел гениальный метод, который назвал “сравнение по три” (*comparaison a trois*). Цель его состояла в обнаружении для каждой возможной тройки рукописей одного текста, который был бы посредником между двумя другими. Для того, чтобы определить, является ли какая-нибудь рукопись в данной тройке А, В и С посредником между двумя другими, мы просто подсчитываем: АВ против С, АС против В, ВС против А. Если показатель, полученный в каком-либо из этих отношений, равен нулю, то рукопись без пары является посредником между ними. Так, если мы вычислим, что АС против В = 0 (читай: “А и С не имеют общей девиации против В”), тогда В есть посредник между А и С. Такое статистическое исследование, по мнению Квентэна, дает возможность сгруппировать рукописи в семью, и вследствие наложения некоторых триад (образовавшихся из рукописей из разных семей) выявить отношения между большими группами.

При помощи своего метода Квентэн рассчитывал свести к трем число основных рукописей Вульгаты, которые потом дали начало другим рукописям и которые оказали бы неоценимую помощь в восстановлении архетипа. Он считал, что архетип появился 100—150 лет спустя после смерти бл. Иеронима. Для Восьмикнижия Квентэн выбрал кодекс Turonensis из испанской группы рукописей, кодекс Ottobonianus из теодальфианской группы и кодекс Amiatinus из доалкуинской группы. Из перечисленных трех написанную в VI или VII в. Турскую рукопись, которая содержала Пятикнижие, он считал наилучшей.

Данный метод часто критикуют за то, что им слишком неудобно пользоваться, когда мы имеем дело с относительно большим текстом или с текстом, который сохранился во многих списках. В первом случае, по всей видимости, нужно выбрать отрывки, которые могут служить образцами. Сам Квентэн вывел редакцию Восьмикнижия по данным, полученным лишь из 91 группы вариантов,

²⁴¹ Обзор направлений текстологии в издании «Илиады» и «Махабхараты» можно найти в кн. Metzger B. M. Chapters in the History of New Testament Textual Criticism. Leiden and Grand Rapids, 1963, pp. 142—154.

²⁴² Quentin D. H. Essais de critique textuelle. Paris, 1926, p. 37. Эта книга так же, как и более ранняя его монография “Memoire sur l’etablissement du texte de la Vulgate (Rome and Paris, 1922) вызвала много противоречивых суждений.

которые, в свою очередь, были взяты из восьми глав (по одной из каждой книги). Такая процедура вызывает массу возражений, поскольку автора можно было бы обвинить в произвольном отборе данных. Доминиканец Джон Чэпман (John Chapman), который исследовал более двух тысяч вариантов из книг Бытие и Исход, сделал заключения, которые, как правило, не согласуются с выводами Квентэна²⁴³. Более того, чисто механическое изучение согласованности двух рукописей против третьей должно проверяться изучением характера отношений, которые производят ноль, — поскольку тот же самый пропуск благодаря гомеотелевтонии может произойти независимо при переписывании двух не родственных между собой рукописей. Особую значимость имеет тот факт, что последователи Квентэна по бенедиктинскому проекту издания Вульгаты не смогли применить данный метод к другим библейским книгам. Его использовал лишь сам автор по отношению к первым трем книгам Ветхого Завета, которые успели увидеть свет еще при его жизни²⁴⁴.

Сэр Вальтер Грег, Арчибальд Хилл и Винтон Дириг

Другое предложение по изданию текстов с использованием средств статистического анализа разночтений было сделано сэром Вальтером Грегом (Sir Walter W. Greg), специалистом в области изучения английского языка Средних веков. Изучая родственную связь между рукописями волшебных пьес Честера, Грег составил систему, которую назвал “Как подсчитывать варианты: эссе по текстологии” (The Calculus of Variants: an Essay on Textual Criticism. Oxford, 1827). Так же, как и Квентэн, Грег полагал, что исследовать генеалогическую стемму рукописей можно, не поднимая вопроса о том, являются ли истинными данные разночтения или нет. В качестве основы он предлагал использовать группы вариантов, представленные в сохранившихся рукописях. Пользуясь единственным методом логической дедукции, Грег создал подробную систему подсчета возможных родственных отношений между данными. Хотя его систему в значительной мере усложняют псевдоматематические символы, ее теоретический аспект весьма интересен.

Однако между теоретическими рассуждениями Грега и практическим применением его принципов к имеющимся текстологическим проблемам существует много противоречий. Пытаясь вывести четкие и последовательные правила для решения проблем, которые Грег считал догматически неразрешимыми, Арчибад Хилл (Archibald A. Hill) разработал свои принципы и назвал их: “Несколько постулатов для изучения генеалогии текстов” (Some Postulates for Distributional Study of Texts)²⁴⁵. Одним из таких постулатов является принцип простоты, который Хилл пытался применить для оценки заложенных в альтернативной генеалогической системе предполагаемых сведений, если имеется несколько объяснений данных.

Соглашаясь с тем, что существует отличие, выделенное некоторыми учеными²⁴⁶, между дистрибутивными отношениями между рукописями (что связано с теоретическим анализом статистических данных о возможных группах рукописей, имеющих общие разночтения) и библиографическими отношениями между ними (что связано с хронологическим и генеалогическим происхождением рукописей), Хилл пришел к следующему заключению:

Дерево [то есть стемма] — это описание отношений между чтениями, обнаруженными в рукописях, которое не следует понимать как положение о том, что рукопись А была переписана с рукописи В. Оно просто отражает тот факт, что чтения, найденные в А, являются производными от чтений из В, после изучения всех существующих сведений... Я тщательно рассматриваю этот вопрос, поскольку многие студенты подчас чувствуют неуверенность, когда работают с внешними

²⁴³ *Chapman J. Revue Benedictine*, XXVII, 1925, pp. 6—46, 365—403.

²⁴⁴ Бенедиктинское издание вышло под названием “*Biblia sacra iuxta latinam vulgatam editionem*”. Описание этого проекта, хранящегося в аббатстве бл. Иеронима на Яникульском холме в Риме, см. *Smit J. O. De Vulgaat*. Roermond, 1948.

²⁴⁵ Опубликовано в работе: “*Studies in Bibliography: Papers of the Bibliographical Society of the University of Virginia*”, III, 1950—1951, pp. 63—95.

²⁴⁶ Например: *Wolf E. 2nd. “If Shadows be a Picture’s Excellence”*: an Experiment in Critical Bibliography. — *Publications of the Modern Language Association of America*, LXIII, 1948, pp. 831—857; ср.: *Greg W. W. Bibliography — An Apology*. — *Library*, 4th ser., XIII, 1932, pp. 113—143.

данными, особенно хронологическими... Должно быть, издателя, который заимствовал А из В, оставил равнодушным тот факт, что рукопись В исполнена на бумаге XX в., тогда как рукопись А написана на средневековом пергамене²⁴⁷.

Для ученого, воспитанного в классической традиции, такой схоластический подход к текстологическим проблемам, по всей видимости, будет равносильным заявлению о том, что если теория расходится с фактами, то тем хуже для фактов!

Теоретические и практические изыскания Грега получили развитие в публикациях Винтона А. Диринга (Vinton A. Dearing), адъюнкт-профессора английского языка Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Диринг был редактором Калифорнийского издания работ Джона Драйдена (John Dryden) (1956) и подготовил руководство по текстологии, синтезировав принцип посредников Квентэна, систему подсчета Грега и принцип простоты Хилла. В предисловии к своему изданию Диринг откровенно говорит:

Мой метод не сразу завоевывает симпатии тех, кто считает, что “здравый смысл” является вполне достаточным средством для решения текстологических загадок, или тех, кто знаком с другими методами. Гораздо труднее применить новый метод к тому, что очевидно, и с чем старый способ справлялся с тем же успехом. Но все методы неизбежно похожи. Поскольку более старые из них не поддавались расширению и развитию, более полный метод представляет альтернативные решения известных проблем. Мой метод впервые разграничивает текст, передаваемый в рукописи, — духовное явление — и рукопись, передающую текст, — материальное явление²⁴⁸.

Когда читатель ознакомится с этими двумя предварительными замечаниями, то, по всей видимости, он приступит к изучению предмета со смешанным чувством любопытства и недоверия.

Помимо выдвижения различных принципов, касающихся общей методологии текстологической науки, начиная с записи разночтений и заканчивая использованием перфокарты и компьютеров для статистического анализа и сравнения рукописей в текстологии, Диринг пытался решить некоторые текстологические проблемы, включая греческий текст Послания Павла к Филимону, — ради концовки которого и была задумана, по признанию автора, эта книга. Что касается сведений о тексте вышеназванного Послания, то Диринг ограничился лишь изучением десяти унциальных рукописей, о которых писал Тишендорф в своем восьмом издании²⁴⁹. Эти десять рукописей отражают 14 различных “состояний” текста, принимая во внимание тот факт, что четыре из них содержат более поздние исправления писцов. После того, как в таблицу были занесены всевозможные комбинации отношений рукописей, которые подтверждают разночтения, автор построил так называемую текстовую схему, доказывающую, что текст первоисточника всех 14 состояний рукописей может быть установлен, “когда **D*** или **E'**, или обе вместе, согласуются с **ℵ^c** или **P**, или когда **ℵ^c** и **P** согласуются вместе”²⁵⁰. На основе данной чисто математической методологии изучения сведений Диринг заявляет, что, по его мнению, текст Тишендорфа согласуется с предполагаемым первоисточником, за исключением того, что последний содержит *Χριστον Ιησουιν* в стихе 6, *δις μοις μου* в стихе 10, *δε σοι* (без *και*) в стихе 11, *συ δε αυτον* и *πλαυχνα, προσλαβου* в стихе 12 и *αμην* в стихе 25.

Текстолог, специализирующийся на текстах Нового Завета, несомненно, сочтет исключительно интересным опыт Диринга по применению статистического метода к греческому тексту Послания к Филимону. Однако он наверняка задастся вопросом, стоят ли затраченные на него усилия полученных результатов, тем более, что Диринг неоднократно повторял, что он стремился

²⁴⁷ Op. cit., pp. 84f.

²⁴⁸ Dearing V. A. A Manual of Textual Analysis. Berkely and Los Angeles, 1959, .VIII f.

²⁴⁹ Диринг не учитывает разночтений, содержащихся в 42 минускульных рукописях, которые Тишендорф приводит для Послания к Филимону.

²⁵⁰ Dearing, op. cit., p. 93.

построить текстовую, а не библиографическую схему²⁵¹. Это означает, что Диринг изучал “состояния” рукописей, и его находки не обязательно должны совпадать с действительным хронологическим происхождением рукописей.

Завершая изложение своей точки зрения о вариантах, выбранных из аппарата Тишендорфа, Диринг пишет: “Со временем станут доступными полные собрания коллаций, и будет обеспечена необходимая механическая помощь для подсчетов вариантов. Этот счастливый день, будем надеяться, не заставит себя долго ждать”²⁵². Автор настоящей книги вынужден признать, что не разделяет столь радужные надежды относительно тех выгод, которые влечет за собой то, что Диринг назвал “необходимой механической помощью”. Применение чисто механических методов, которые неизбежно лишают критику субъективного элемента, заставляет вспомнить слова Джорджа Фута Мура (George Foot Moore) о том, что “методичное искоренение элемента человеческого разума наука едва ли станет приветствовать”²⁵³. Хотя компьютеры могут быть очень полезны в процессе “запоминания” статистических тонкостей, касающихся разночтений, маловероятно, что они заменят использование рациональных критических процессов для распознавания “хороших” и “плохих” чтений²⁵⁴.

4. Местные тексты и древние издания

Последнее поколение британских богословов и итальянских ученых-классиков внесло значительный вклад в развитие текстологии. И хотя сферы их интересов были различны, методы, предложенные обеими сторонами, в какой-то степени совпадали.

Бернетт Хиллман Стритер

В 1924 г. каноник Стритер (Burnett Hillman Streeter) выпустил книгу под названием «Четвероевангелие, изучение происхождения» («The Four Gospels, a Study of Origins»), в которой

²⁵¹ Отличие, которое Диринг видел между библиографической и текстовой стеммами, может быть проиллюстрировано следующим примером: “Предположим, что рукопись В была переписана с рукописи А без вербальных изменений, а рукопись С переписана с рукописи А с некоторыми вербальными вариантами. Мы можем объяснить отношения между В и С двумя способами. С чисто механической точки зрения, С ни в коем случае не происходит от В, поскольку обе рукописи переписаны непосредственно с А. С другой стороны, можно сказать, что чтения С ведут свое начало от чтений В. Более того, в случае, если В и С дошли до нас, текстолог, возможно, не сможет отличить В от А и сочтет уместным предположить, что В и есть А, и, следовательно, является исходным текстом для С. Первую точку зрения Диринг назвал “библиографической”, а вторую “текстовой”. Подобно тому, как математические законы используются в физике, это отличие позволяет текстологу построить диаграмму стеммы на абстрактном “текстовом” уровне прежде, чем обратиться к основанному на фактах “библиографическому” уровню для окончательного установления текста. Такая методика может оказаться полезной, если не пытаться сделать необоснованные “библиографические” выводы, исходя из “текстовых” предположений” (из обзора *David M. Vieth of Dealing's Manual in Journal of English and Germanic Philology*, 1960, p. 556). Сравни последующую работу *Dearing. Some Notes on Genealogical Methods in Textual Criticism*. — *Novum Testamentum*, DC, 1967, pp. 278—297.

²⁵² *Op. cit.*, p. 93. Описание использования механической помощи в изданиях текстов можно найти в брошюре под названием “Methods of Textual Editing”, которую Диринг прочел на семинаре по библиографии, проходившем в библиотеке Кларка (Clark Library) 12 мая 1962 г. (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес), p. 18. Сравни также *Eltisan J. W. The Use of Electric Computers in the Study of the Greek New Testament Text* (неопубликованная дисс., Harvard University, 1957).

²⁵³ Предисловие Moore к *Henry St. John Thackeray's. Josephus, the Man and the Historian* New York, 1929, p. V.

²⁵⁴ Одним из курьезов статистической псевдоучености (заслуживающей упоминания лишь в примечании) является книга *Ivan Panin. The New Testament in the Original Greek, the Text Established by Means of Bible Numerics*, частным образом напечатанная Джоном Джонсоном в University Press, Oxford, 1934. Панин подготовил свое издание, переделав текст Весткота и Хорна на основе изобретенной им в 1890 г. системы “библейских численных данных”. В соответствии с этим “методом” издатель отдает предпочтение тому варианту чтения, которое дает максимальное численное значение, кратное 7, 11, 15, 23 и т.д., по числу гласных, согласных, слогов, частей речи и т.д. в данном стихе или перикопе. Опровержение системы (если оно вообще уместно!) см. *Auis Oswald T. Bible Numerics*. Chicago, 1944 и более краткое *Busweu Oliver J. Bible Numerics — the True and the False*. *Moody Monthly*, XXXII, 1932, pp. 1058, 1072—1073.

прекрасно сочетаются основательность знаний, богатое воображение и изящный литературный стиль. Взяв за основу классический труд Весткота и Хорта, Стритер отточил их методологический подход в свете обнаруженных, начиная с 1881 г., новых рукописных сведений. Стритер принял идею, впервые провозглашенную Хагом, и подчеркнул необходимость разграничения форм текста, которые бытовали в крупных центрах раннего христианства. Используя сведения, взятые из цитат в произведениях Отцов Церкви, он разграничил и определил характерные формы новозаветного текста, которые установились в главных епархиях древней Церкви. Примерно к 200 г. эти местные тексты достигли (как считал Стритер) наивысшей степени отличия друг от друга, отличия, которое нашло свое выражение в ранних сирийском, латинском и коптском переводах. Весьма вероятно, что самые древние формы этих трех текстов были заимствованы соответственно из греческих текстов, которыми пользовались в Антиохии, Риме и Александрии.

Помимо данных трех форм текста анализ данных из кодекса Коридети (Θ) и некоторых произведений Оригена и Евсевия привел Стритера к необходимости заявить о существовании так называемого кесарийского типа текста Евангелий, к которому принадлежат семья 1 и семья 13. Стритер объединил в один тип, назвав его александрийским, свидетельства, которые Весткот и Хорт приписывали нейтральной и александрийской группе. Он разделял точку зрения Весткота и Хорта о том, что сирийский тип текста, который он переименовал в византийский, появился в IV в. благодаря деятельности Лукиана Антиохийского и был принят в 380 г. в Константинополе. Именно этому тексту суждено было стать главной церковной формой Нового Завета в грекоговорящих странах, а впоследствии лечь в основу Textus Receptus. Следовательно, чтениями, появившимися позднее V в., как утверждал Стритер, можно пренебречь, кроме тех, которые отличаются от текста византийского типа. С другой стороны, поскольку древняя форма текста могла сохраниться в сравнительно позднее время в местности, отрезанной от основных центров распространения христианства, приоритет в выборе рукописей зависит не столько от их возраста, сколько от происхождения.

Отношения между местными текстами, употреблявшимися в пяти церквях: в Александрии, Кесарии, Антиохии, Италии и Галлии, а также Карфагене, могут быть представлены в виде многоступенчатого дерева, каждая из ветвей которого соответствует их географической расположенности по отношению к восточному Средиземноморью. Стритер формулирует это следующим образом:

В каждом звене указанной последовательности присутствует большое число характерных для него чтений. Вместе с тем каждое звено теснее связано со своим соседом, чем с другими, более отдаленными ветвями стеммы. Так, **В** (Александрия) имеет много общего с семьей Θ (Кесария); семья Θ имеет много общих характерных чтений с Sy^s (Антиохия); Sy^s , в свою очередь, имеет определенную связь с **D b a** (Италия-Галлия); и наконец, возвращаясь обратно по кругу, мы видим, что **k** (Карфаген) в определенном смысле является промежуточным звеном между **D b a** и **В** (вновь Александрия)²⁵⁵.

Некоторые практические выводы, которые можно сделать, если принять теорию местных текстов Стритера, сформулированы им самим следующим образом:

а) текстолог, оценивая количество внешних данных для принятия того или иного варианта, должен в первую очередь учитывать не число или возраст рукописей, документирующих этот вариант, а число и географическую распространенность древних местных текстов, в которых он может прослеживаться;

б) следовательно, рукописи необходимо располагать не в алфавитном или цифровом порядке, а по группам, соответствующим тем местным текстам, которые они представляют. В том случае, если чтение поддерживается, по крайней мере, тремя наиболее показательными рукописями, отпадает необходимость ссылаться на дополнительные свидетельства тех рукописей, которые, как правило, содержат тот же самый *местный* текст²⁵⁶;

²⁵⁵ Streeter B. H. The Four Gospels, p. 106.

²⁵⁶ Streeter B. H., op. cit., p. 78.

в) несмотря на то, что отдельные детали данного чтения не всегда обладают абсолютной достоверностью, выявить подлинный текст Евангелия можно. Сосуществование в древности различных независимых традиций, сохранивших для нас Новый Завет, является гарантом сохранности его текста, который не подвергался серьезным переработкам и интерполяциям²⁵⁷.

Джорджио Паскуали

В 1932 г. эрудированный итальянский филолог-классик Джорджио Паскуали (Pasquali Giorgio) опубликовал фундаментальное исследование, касающееся проблематики издания древнегреческих и латинских авторов²⁵⁸. Автор, который до этого посвятил более 40 страниц рецензии на краткое 18-страничное сочинение “Textkritik” Пауля Мааса²⁵⁹, еще глубже забрасывает сети, подтверждая свои положения тысячами примеров, почерпнутых у античных авторов и современных издателей. Несмотря на то обстоятельство, что Паскуали интересовали исключительно классические, небиблейские тексты, исследователь Нового Завета несомненно обнаружит, что многие предположения и советы, высказанные в этой работе, косвенно касаются и его собственных проблем. Вот некоторые из положений, разработанных Паскуали²⁶⁰.

а) Средневековые рукописи греческих и латинских авторов часто восходят, прямо или косвенно, к древним редакциям, которые уже отличались друг от друга.

б) Совпадение очевидных ошибок, или “trivializzazioni” не доказывает родственности рукописей. Более того, совпадение чтений в различных источниках и не должно подтверждать родство, поскольку оригинальные чтения могли сохраниться независимо в нескольких направлениях традиции.

в) Для латинских авторов, чья рукописная традиция гораздо богаче, чем традиция греческих авторов, *codex recentior* не обязательно означает *codex deterior*. Значимость источника не зависит от его древности.

г) Коллажи античных авторов, сделанные гуманистами эпохи Возрождения, а также издания, напечатанные в то время, частично базируются на рукописях, которые сейчас считаются утерянными. Следовательно, появление уникального чтения в тексте эпохи Возрождения не всегда нужно приписывать изобретательности современных издателей — возможно, оно восходит к древнейшим временам.

д) Произвольные изменения, внесенные писцами в рукопись, могут заставить нас сомневаться в ее ценности, но они не дают нам право *a priori* пренебречь ее значимостью под предлогом, что это всего лишь рукопись с интерполяциями.

е) Широко распространено мнение, что передача рукописей осуществлялась чисто механически “недалекими” писцами, которые бездумно переписывали документы. Находились, однако, и другие писцы, которые приукрашали, упрощали, адаптировали и даже делали коллажи текстов по другим документам. Конъектура, которая является оправданной с палеографической точки зрения, может способствовать тому, что мы восстановим (в случае механической передачи) первоначальное чтение. С другой стороны, в “открытом” списке, куда вторглись “умные” писцы, внутренняя критика играет гораздо более важную роль в рассмотрении вариантов исправлений.

ж) Широко распространено мнение, что передача текстов происходит “вертикально” в хронологической последовательности; тем не менее в ряде случаев имеет место горизонтальный или поперечный план. Коллаж одной рукописи по другим рукописям, кроме той, которая служила образцом, вводит чтения из одной ветви в другую, в результате чего текст меняется и загрязняется.

з) В общей лингвистике принято считать, что наиболее древние этапы какого-либо явления лучше всего сохранились в периферийных зонах области его распространения, и что совпадение двух форм, бытовавших на отдаленных друг от друга и от центра территориях, говорит в пользу их

²⁵⁷ Ibid., p. 148.

²⁵⁸ Pasquali Giorgio. Storm della tradizione e critica del testo. Florence, 1934; 2-е изд., 1952.

²⁵⁹ Эта рецензия напечатана в журнале “Gnomon”, v, 1929, pp. 417—435, 498—521.

²⁶⁰ Сам Паскуали последовательно выдвигает их в предисловии к своей книге, с. xv и далее.

древнего происхождения. Таким же образом совпадение определенных чтений в рукописях различного происхождения часто свидетельствует об их истинности.

В этих параграфах, как мы успели заметить, Паскуали провозглашает старые и новые принципы. Не делая ссылок на теорию “местных текстов” Стритера, он считает, что приблизительно те же правила будут действовать и для некоторых античных авторов. Более того, Паскуали склонен думать, что, по меньшей мере в отношении гомеровской традиции, византийские рукописи (которые могут восходить к древним редакциям) сохранили более ценный текст, чем тот, который записан на папирусе, и который, хотя и является более ранним, представляет собой “дикий” текст.

Вероятно, одним из наиболее существенных моментов книги Паскуали, который может помочь текстологу Нового Завета, является его ссылка на то, что принято называть “лингвистической географией” (последний вопрос, упомянутый выше). Исследования Бартоли (Bartoli) и других ученых²⁶¹ о диффузии диалектных форм речи в немалой степени будут полезны текстологу, который занимается похожими вопросами распространения разночтений.

5. Эклектизм, или “Рациональная критика”

Разочарованные результатами, полученными при оценке внешних данных для разночтений (поддержка со стороны отдельных рукописей или целых семей рукописей и локальных текстов), некоторые исследователи решили в первую очередь обратить внимание на сами разночтения, для того чтобы выявить лучшие из них. Для такого подхода придумывали разные определения. Наконец его назвали “эклектизм”, поскольку применяя его, текстолог уделял внимание не столько вопросу датировки рукописи и принадлежности ее к определенной семье, сколько внутренним, или контекстуальным признакам. Таким образом, издатель текста следовал то одному, то другому набору сведений в соответствии с тем, что, как казалось, было авторским стилем или случайностями переписывания. Пренебрежение внешними данными разночтений отчетливо проступает в изданиях греческих античных авторов Поля Мазона (Paul Mazon), где в аппарат включены только разночтения без упоминания источников, из которых они заимствованы²⁶². Данному методу работы с текстовыми данными было дано и другое название — “рациональная критика”²⁶³. Прилагательное “рациональная” ни в коей мере не подразумевает того, что все другие методы иррациональны; оно указывает лишь на тот факт, что исследователь в первую очередь сосредоточен на поиске возможных причин, основанных на внутренних признаках, для обоснования в каждом конкретном случае своего выбора одних чтений как подлинных, других — как производных.

Так или иначе почти все текстологи использовали элементы рациональной критики. Однако некоторые исследователи считали, что авторский стиль и требования контекста являются единственной областью, достойной изучения. Такой метод использовал, например, Бернард Вайс при подготовке издания греческого Нового Завета. Тернер подобным образом тщательно изучил литературные пристрастия автора Евангелия от Марка и реконструировал греческий текст 1 главы, исходя из стилистических признаков²⁶⁴. Одним из выводов, к которым пришел Тернер в результате своих исследований, была необходимость проявить больший интерес к чтениям западной группы,

²⁶¹ *Bartoli M.* Introduzione alla neolinguistica. Geneva, 1925, и “Saggi di linguistica spaziale”. Turin, 1945. В настоящее время ведется работа по составлению ряда диалектных атласов, часть из них уже подготовлена; список см. *Schrijnen J.* Essai de bibliographie de géographie linguistique générale. Nîmes, 1933.

²⁶² Сравни замечания А. Дейна (Dain A.) об “Olimpian indifference”, которую называли “бесполезным знанием” (“Les Manuscrits”, Paris, 1949, p. 161; исправ. изд. 1964, p. 175).

²⁶³ М.-Ж. Лагранж использует этот термин в качестве названия для своей книги “Critique textuelle”; II, “La Critique rationnelle”. Paris, 1935, хотя на практике он довольно часто обращает внимание на внешние данные.

²⁶⁴ *Turner C. H.* A Textual Commentary on Mark I. — *Journal of Theological Studies*, XXVIII, 1926—1927, p. 145—158 и *Marcian Usage: Notes, Critical and Exegetical, on the Second Gospel*, там же XXV, 1923—1924, p. 377—386, XXVI, 1924—1925, pp. 12—20, 145—156, 225—240, 337—346; XXVII, 1925—1926, pp. 58—62; XXVIII, 1926—1927, pp. 9—30, 349—362.

даже если бы они нашли подтверждение у небольшого числа источников (например, **D** или одной из трех ведущих старолатинских рукописей, **k**, **e** или **a**)²⁶⁵.

Исследователи также предпринимали попытку проанализировать с позиции рациональной критики некоторые другие новозаветные книги. Студенты могут многое узнать о текстологическом методе из лекций, изданных в 1946 г. Гюнтером Зунцем (Gunther Zuntz) и написанных на материале Посланий Павла, в особенности, Первого послания к Коринфянам и Послания к Евреям²⁶⁶. Что касается Книги Откровения, то одним из наиболее ценных разделов монографии Йозефа Шмида об истории греческого текста Апокалипсиса, является глава, которая рассматривает влияние особенностей его языка на текстологическую оценку разночтений²⁶⁷.

Стилистический критерий, который Тернер ставил во главу угла для принятия текстологических решений, имел первостепенное значение и для Джорджа Килпатрика (George Kilpatrick), преподавателя Королевского колледжа в Оксфорде. Некоторые отрывки его исследований по вопросам использования лексики и грамматики новозаветными авторами были опубликованы в ряде периодических изданий²⁶⁸, а его текстологические выводы нашли выражение в выпусках “Греко-английской двуязычной Библии для переводчика (A Greek-English Diglot for the Use of Translators)”, выпущенной для частного пользования Британским и Иностраным Библейским Обществом (Mark, 1958; Matthew, 1959; John, 1960; The General Letters, 1961; Luke, 1962). Из двух или более разночтений Килпатрик обычно выбирал то, которое больше соответствовало авторскому стилю, независимо от характера внешних данных, определяющих данное чтение. В случае, когда нельзя было принять твердого решения относительно авторского стиля, он использовал аттический критерий, который был одним из главных направлений в литературных кругах I—II вв. Килпатрик утверждает, что переписчики во II в. внесли большое количество аттицизмов в новозаветный текст²⁶⁹. Следовательно, из двух чтений, одно из которых соответствует аттическим канонам, а другое — нет, исследователь предпочтет последнее, даже если нет других подтверждений в его пользу. Чтобы объяснить свое отношение к возрасту рукописи и внешним данным как к второстепенным вещам, Килпатрик заявил, что ко II в. в тексты было внесено огромное число изменений, а в последующий период переписчики передавали форму текста с большой точностью. Так, если какое-либо чтение сохранилось только в поздней минускульной рукописи, но оно соответствует авторскому стилю и в нем нет отголосков аттической традиции, для Килпатрика оно будет подлинным.

Килпатрик настолько доверял внутренним признакам, что считал подлинными даже те чтения, которые имели самые неопределенные внешние характеристики.

В заключение хотелось бы отметить, что в методе рациональной критики есть много положительных сторон, поскольку **ни одна рукопись и ни одна семья рукописей не сохранила оригинальный текст в первоизданной форме** (выделено мною. — *P.X.*). Не подлежит сомнению также, что текстолог обязан обращать внимание на то, совпадает ли форма повествования со стилем данного автора или нет, поскольку, как однажды сказал Хаусман (Housman) в своей выразительной эпиграмме: “Снисходительная любовь к одной рукописи и неприятие другой неизбежно порождает безразличное отношение к самому автору”²⁷⁰. Вместе с тем нельзя не указать и слабые стороны этого метода. Статистические данные, которые фиксируют особенности авторского стиля, иногда заимствуются из конкордансов; в их основе лежат издания Греческого Нового Завета, которые

²⁶⁵ См. его статью “Western Readings in the Second Half of St. Mark’s Gospel”. — *Journal of Theological Studies*, XXIX, 1927—1928, pp. 1—16, и “The Textual Criticism of the New Testament”. — *A New Commentary on Holy Scripture...*, изд. Charles Gore и др., London, 1928, pp. 718—729. Первые наброски этой точки зрения см. раннюю статью Тернера “New Testament, Text of”. — *The Illustrated Bible Dictionary*. New York, 1908, pp. 585—596.

²⁶⁶ Zuntz G. *The Text of the Epistles: a Disquisition upon the Corpus Paulinum*. London, 1953.

²⁶⁷ Schmid J. *Studien zur Geschichte des griechischen Apokalypse-Textes; II, Die alien Stamme*, Munich, 1955, pp. 173—251.

²⁶⁸ Kilpatrick G. D. *Some Notes on Marcan Usage*. — *Bible Translator*, VII, 1956, pp. 2—9, 51—56, 146; *Some Notes on Johannine Usage*, там же, XI, 1960, pp. 173—177.

²⁶⁹ См. статью Kilpatrick G. D. *Atticism and the Text of the Greek New Testament*. — *Neutestamentliche Aufsätze: Festschrift für Prof. Josef Schmid*, Regensburg, 1963, pp. 127—137; сравни также его комментарии в “*Gottin-gische gelehrte Anzeigen*”, CCXV, 1963, p. 14ff.

²⁷⁰ См. издание Хаусмана: *Lucan. “Bellum civile”*. Oxford, 1926, p. VI.

подчас содержат непроверенные чтения. Более того, даже если сведения об авторском стиле были внимательно изучены, их значимость для конкретного отрывка должна быть определена, исходя из двух возможностей: а) автор мог иногда изменять свой стиль и б) переписчик, который знал о том, что в определенном месте автор изменил стиль, также мог изменить его в другом месте, чтобы не противоречить автору.

Таким образом, можно сделать вывод, что хотя особенности использования авторами Нового Завета языковых средств должны учитываться текстологами, они не могут быть главным критерием в оценке разночтений, особенно если не принимаются во внимание внешние данные. Кроме того, использование лишь одного аттического критерия в оценке текстов может привести к тому, что влияние других литературных и стилистических направлений на койне в этот же период времени не будет учитываться вообще²⁷¹.

6. Способы определения родственных отношений между рукописями

Чтобы лучше всего определить место новой рукописи в рукописном наследии Нового Завета, по всей видимости, необходимо произвести ее сравнительный анализ со всеми другими известными рукописями. Такая процедура, однако, потребовала бы огромного труда и времени, несоизмеримых с важностью результатов, и потому исследователи довольствуются выборочным анализом. Иногда рукопись сравнивается с отдельными рукописями, каждая из которых представляет конкретную семью или тип текста. Несовершенство такого подхода заключается в том, что большая часть данных остается вне области изучения, в результате чего сделанные выводы могут быть легко опровергнуты, если к анализу привлечь дополнительный рукописный материал.

Довольно часто коллации для той или иной рукописи делаются на противопоставлении ее с *Textus Receptus*, а затем проводится анализ вариантов для выяснения, насколько данная рукопись совпадает с теми рукописями, разночтения которых занесены в различные *apparatus critici*. Такой сравнительный метод тем не менее зачастую менее эффективен, чем первый, поскольку он также опускает значительное количество сведений, а именно тех чтений, которые объединяют эту рукопись и *Textus Receptus*. Более того, анализ текста с точки зрения его отличия от *Textus Receptus* не представляет особой ценности, если нет должного контроля над работой. Таким образом, совсем недостаточно знать, что в некоей главе данная рукопись совпадает, скажем, с **В** и **ℵ** в десяти местах и отличается от *Textus Receptus*; поскольку только в том случае, если **В** и **ℵ** также в этой главе отличаются от *Textus Receptus* в 90 других местах, то в этой рукописи, действительно, александрийский элемент будет присутствовать в очень малой степени.

Для того, чтобы ввести более точный метод анализа рукописей, Эдвард Хаттон (Edward Hutton) в 1911 г. предложил использовать чтения, которые он назвал “тройными”, для анализа похожих мест в тексте²⁷². Отобрав список чтений, которые послужили причиной для распределения рукописей по трем типам — александрийскому, западному и сирийскому (византийскому), Хаттон настаивал на том, чтобы впредь все рукописи анализировались на основе выявления количества совпадений с каждым из этих типов текста.

С увеличением числа идентифицируемых групп текста исследователи хотели бы достичь большей степени точности, чем это позволяет метод Хаттона. Текстолог Колуэлл (Colwell) вместе со своим помощником Парвисом (Parvis) разработал метод для определения отношений между

²⁷¹ См., например, ссылки в разделе “Antiatticisms” в книге *Schmid Wilhelm. Der Atticismus in seinen Hauptvertretern*. Stuttgart, 1887—1896; сравните с предостережением Радермашера против тех, кто слишком полагается на данные статистики при оценке литературного стиля автора в тот период, когда пересекались совсем противоположные влияния: *Rademacher L. Koine (= Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien)*. — *Phil.-hist. KL, CCXXIV*, 5. Abhandlung, 1947, p. 61f.

²⁷² *Hutton E. A. An Atlas of Textual Criticism, being an Attempt to Show the Mutual Relationship of the Authorities for the Text of the New Testament up to about 1000 A D.* Cambridge, 1911.

рукописями, который назвал методом “множественных чтений”. Множественное чтение определяется как чтение, в котором минимальная поддержка для каждой из минимум трех разновидностей текста производится либо со стороны одной из главных направлений традиции, либо от ранее установленной группы (такой как семья I, семья II, группа Ферра), либо со стороны одного из древних переводов (таких как *it*, *syg^s*, *syg^c*), или же от отдельной рукописи, представляющей исключительную ценность (например, **D**)²⁷³.

Колуэлл применил данные характеристики множественного чтения к конкретному отрывку текста — Ин.1:1—4:40 — и обнаружил 22 примера таких чтений. Если мы представим в виде таблицы количество примеров, в которых исследуемая рукопись совпадает с несколькими источниками в местах, включающих множественные чтения, то можно многое узнать о характере данной рукописи.

Ограниченность этого метода, по крайней мере применительно к Евангелию от Иоанна, состоит в том, что число исследованных отрывков очень невелико по сравнению со всем изучаемым текстом. Понятно, что та или иная рукопись может последовательно согласовываться с определенным типом текста в большинстве из 22 отрывков в 152 стихах Ин.1:1—4:40, но тем не менее может не совпадать с этим типом текста в значительном числе чтений в остальных 130 стихах, не представленных множественными чтениями.

Из всего вышесказанного нетрудно сделать вывод, что ни один из перечисленных методов не может полностью удовлетворять требованиям в определении характера новозаветных рукописей. Исследуемая область текста должна быть достаточно широкой, чтобы сложилось представление обо всем тексте. Вместе с тем метод анализа должен незамедлительно подсказывать исследователю, какие места той или иной рукописи были переписаны из разных типов текста. Автор настоящей книги неоднократно подчеркивал, что при анализе характера текста лекционариев, коллажи которых обычно делались на основе *Textus Receptus*, необходимо вести учет для точного определения, какой именно процент александрийских, западных и ке-сарийских отступлений от *Textus Receptus* имеет место в исследуемых чтениях²⁷⁴. Более того, каждый раз при анализе текстолог должен уделять внимание проблеме, которая встает при попытке оценить качество и количество вариантов. Возможность того, что случайность, а не генеалогическое происхождение может служить объяснением совпадения иных рукописей в некоторых местах по таким вариативным признакам, как наличие или отсутствие артикля при имени собственном, аорист вместо имперфекта, и наоборот, — не принималась должным образом во внимание²⁷⁵.

7. Конъектурные исправления

Как мы уже говорили в начале главы, классический метод текстологии включает конъектурное исправление. Если какое-либо одно разночтение или все разночтения, которые обнаружены в тексте, непонятны или кажутся неуместными, то издателю остается лишь предпологать, какое первоначальное чтение могло быть в данном месте.

²⁷³ *Colwell E. C. Method in Locating a Newly-discovered Manuscript within the Manuscript Tradition of the Greek New Testament. — Studia Evangelica... ed by Kurt Aland et al. (= Texte und Untersuchungen), LXXIII, Berlin, 1959, p. 759; ср. также Dicks C. D. Journal of Biblical Literature, LXVII, 1948, pp. 366—388.*

²⁷⁴ Этот метод влечет за собой восстановление небольшого отрывка, который служил бы образцом “чистого” александрийского типа текста, “чистого” западного типа текста, “чистого” кесарийского типа текста и “чистого” типа текста семьи 13 и т. д., а затем образование коллажи каждого из “чистых” текстов на основе *Textus Receptus*. Сравнивая общее число вариантов из *Textus Receptus* в каждом из “чистых” текстов с количеством вариантов, представленных также в тексте лекционариев, можно с точностью определить степень родства. О применении такого метода см. *Metzger B. M. The Saturday and Sunday Lessons from Luke in the Greek Gospel Lectionary. Chicago, 1944, p. 24ff.*

²⁷⁵ См., например, обсуждение “Quantita e qualita delle variant!” у *Sacchi P. Alle origini del Nuovo Testamento: Saggio per la storia della tradizione e la critica del testo. Firenze, 1956, p. 86ff.*

Как правило, такое исправление означает устранение искажений текста. Однако надо иметь в виду, что, хотя некоторые искажения появились в результате искажения текста при его передаче, некоторые из них могли быть либо намеренными, либо их допускал сам автор²⁷⁶. Перед тем, как приступить к конъектурной правке, текстолог должен самым тщательным образом изучить стиль и мировоззрение автора, чтобы с уверенностью сказать, что то или иное искажение не было намеренным.

И здесь текстологи порой допускали крайности. В одной из своих поздних работ Ричард Бентли, например, почти не придавал значения рукописным данным при определении правильных чтений и в основном полагался на собственную интуицию, которая подсказывала ему, что в данном месте должен был написать автор. Свой метод он сформулировал так: *nobis et ratio et res ipsa centum codicibus potiores sunt*, что можно перевести следующим образом: “для меня здравый смысл и предмет изучения значат больше, чем сто рукописей”. Следование этому принципу принесло как опрометчивые, так и убедительные результаты. *Reductio ad absurdum* этого субъективного подхода можно найти в издании Бентли “Потерянного рая” Мильтона, когда он предложил внести в текст более 800 исправлений, пытаясь восстановить то, что, по его мнению, Милтон должен был сказать (или имел такое намерение), когда диктовал поэму своим дочерям²⁷⁷.

Перед тем, как конъектура будет рассмотрена в качестве возможной, ее необходимо подвергнуть двум тестам, предназначенным для оценки разночтений в рукописях, — она должна: 1) соответствовать внутренней сути текста и 2) объяснять неправильное чтение или чтения в передаваемом тексте. Существует, однако, важное отличие между методом применения этих тестов к конъектурной правке, с одной стороны, и к разночтениям в рукописях — с другой. Мы принимаем тот вариант, который наилучшим образом удовлетворяет требованиям тестов. Конъектура так и останется на уровне “возможной замены”, если она по всем параметрам не подходит тексту. Единственным критерием удачно найденной конъектуры является невозможность найти ей более подходящую замену. Отсутствие этого качества ставит под сомнение пригодность самой конъектуры.

Пример из английской литературы послужит хорошей иллюстрацией того, насколько многообразной может быть палитра достоинств предложенных на выбор конъектур²⁷⁸. Поскольку первыми печатниками в Англии были зачастую иностранцы, они делали столько же ошибок, сколько и их предшественники, переписчики; тексты Шекспира содержат почти такое же количество трудных мест, что и произведения Эсхила. В изданиях инфолио (в полный лист) исторической драмы “Генрих V”, во 2-м акте, 3-й сцене хозяйка говорит об умирающем Фальстафе: “его нос был таким же острым, как перо и стол из Зеленых Полей”. Слова “стол из Зеленых Полей” (a table of Green Fields), которые печатались с незначительной разницей в орфографии в изданиях инфолио, но были выпущены в изданиях инкварто (в четверть листа), стали предметом многочисленных конъектурных исправлений. Поп (Pope) предположил (возможно, с иронией), что драма была поставлена на сцене, которой служил один из столов Гринфилда (Greenfield), а сам Гринфилд был продавцом мебели, поставлявшим реквизит Шекспировскому театру. Колльер предложил свой вариант: “на столе из зеленой ворсистой ткани” (on a table of green frieze). Другой текстолог подумал, что самым подходящим вариантом будет — “как щетина на выкошенных полях” (as stubble on shorn fields). На сегодняшний день самой удачной считается конъектура “шум зеленых полей”, которая является видоизменением Теобальдом очень удачной конъектуры, предложенной неизвестным комментатором, который вместо слова “стол” (table) написал “говорил” (talked)²⁷⁹.

²⁷⁶ Обсуждение этой парадоксальной возможности текстолога “улучшить” текст оригинала см. статью о 1 Кор.6:5 *Zuntz G. The Critic Correcting the Author.* — *Philologus*, XCIX, 1955, pp. 295—303.

²⁷⁷ *Monk J. H. The Life of Richard Bentley, D. D.* 2nd ed, II, London, 1833, pp. 309—323.

²⁷⁸ Этот пример взят почти дословно из *Cow J. Companion to School Classics.* 2nd ed, London, 1889, p. 65f.

²⁷⁹ Некоторые отрывки из Шекспира остаются искаженными, несмотря на старания палеографов и текстологов. Что скрывается за нагромождением слов, порождающих бессмыслицу, в «Короле Лире», акт 3-й, сцена 4-я, 118ff., до сих пор остается загадкой: “swithald footed thrice the old a neilthu night more and her nine fold bid her, O light and her troth plight and arint thee, with arint thee”. О текстологических проблемах в произведениях Шекспира см. *Doran M. An Evaluation of Evidence in Shakespearean Textual Criticism.* — *English Institute Annual*, 1941, New York, 1942, pp. 95—114; *Wilson F. P.*

Ошибка, которую чаще всего совершают исследователи, делая конъектурное исправление, является его преждевременность. У многих греческих и латинских классиков часто предполагали искажения текста, не имея для этого достаточных оснований, — просто чтобы блеснуть интеллектом, предлагая альтернативное чтение. Эта “жажда к исправлению” (*pruritus emendandf*) вылилась в тысячи предложений внести исправления в текст Нового Завета. Многие из этих предложений были собраны в XVIII в. Вильямом Бойером, а во второй половине XIX в. значительно пополнены целым потоком статей и книг, изданных в Голландии W. C. van Manen, W. H. van der Sande Bakhuyzen, D. Harting, S. S. de Koe, H. Franssen, J. M. S. Baljon, J. H. A. Michelsen, J. Cramer и другими²⁸⁰.

В своем издании греческого текста Нового Завета Весткот и Хорт поместили крестиком около 60 мест, в которых они (или один из них) подозревали наличие “изначальной ошибки”, то есть ошибки, возраст которой больше, чем возраст сохранившихся источников; чтобы устранить ее, необходимо прибегнуть к конъектурному исправлению²⁸¹. Как указывает Шмидель (*Schmiedel*)²⁸², издания Трегелльса, Тишендорфа и Вайса содержат всего лишь по одному конъектурному исправлению: у Трегелльса в 1 Петр.3:7 на полях; у Тишендорфа в Евр.11:37; у Вайса в Откр.28:14. Аппарат 24-го издания Греческого Нового Завета Нестле включает около 200 конъектур из различных источников, 90 из которых названы по имени тех, кто первый предложил их.

Необходимо признать теоретическую правомерность применения по отношению к Новому Завету метода, который столь часто оказывался полезным в процессе восстановления первоначального текста классических авторов. С другой стороны, количество данных для новозаветного текста, добытых из рукописей, ранних переводов или цитату Отцов Церкви, настолько превосходит число сведений о любом древнем авторе, что необходимость использования такого рода исправлений в огромной степени сокращается²⁸³. Потребность в конъектурной правке может возникнуть в большей мере применительно к Соборным посланиям и Апокалипсису, в которых свидетельства ранних рукописей больше ограничены, чем другие части Нового Завета.

Shakespeare and the “New Bibliography”. — The Bibliographical Society, 1892—1893, *Studies in Retrospect*, London, 1945, pp. 133—134.

²⁸⁰ О названиях этих работ см. список библиографии *Nestle Eb. Urtext und Ubersetzungen der Bibel* Leipzig, 1897, pp. 55—56 (репринт статьи “Bibeltext und Bibelubersetzungen”. — *Realencyklopadie fur protestantische Theologie und Kirche*, 3te Aufl.) В XX в. голландский ученый-филолог Хартман утверждал, что большинство ошибок при передаче классических текстов не является механическим, и, следовательно, они необъяснимы; поэтому издатель имеет право пренебречь данными рукописи, если, по его мнению, этого требует содержание. См. статью *Hartman. Ars critica, quid sibi habeat propositum et qua utatur ratione.* — *Mnemosyne*, N. S., XLVIII, 1920, pp. 227—238. Опровержение доводов Хартмана см. *Damste A. De arte critica, ibid*, pp. 424—433. Об обсуждении разумного ограничения конъектурной правки см. приложение ко второму изданию *Pasquali. Storia della tradizione e critica del testo* под названием “Congettura e probabilita diplomatica”, pp. 481—486; *Paul van den Ven. Erreurs de methode dans la correction conjecturale des textes byzantins.* — *Byzantion*, XXIV, 1954, pp. 19—45, а также замечания Людвиг Бьелера в его эссе: *Bieler L. The Grammarian's Craft.* — *Folia: Studies in the Christian Perpetuation of the Classics*, X, 1956, pp. 3—42, в особенности p. 26ff.

²⁸¹ Вот места, в которых Весткот и Хорт подозревали наличие “изначальной ошибки”: Мф.21:28ff; 28:7; Мк.4:28; Лк.11:35; Ин.4:1; 6:4; 8:9; Деян.4:25; 7:46; 12:25; 13:32,43; 16:12; 19:40; 20:28; 25:13; Рим.1:32; 4:12; 5:6; 7:2; 13:3; 15:32; 1 Кор.12:2; 2 Кор.3:3,17; 7:8; 12:7; Гал.5:1; Кол.2:2,18,23; 2 Фес.1:10; 1 Тим.4:3; 6:7; 2 Тим.1:13; Фил.9; Евр.4:2; 10:1; 11:4,37; 12:11; 13:21; 1 Петр.1:7; 3:21; 2 Петр.3:10,12; 1 Ин.5:10; Иуда.1,5,22f; Откр.1:20; 2:12,13; 3:1,7,14; 9:10; 11:3; 13:10,15,16; 18:12; 19:13.

²⁸² *Schmiedel P. W. Festgabe Adolf Kaegi von Schulern und Freunden dargebracht zum 30. September 1919, Frauenfeld, 1919, p. 179.*

²⁸³ Из всех исправлений, предложенных для новозаветного текста, самое широкое одобрение получило предположение о том, что имя “Енох” выпало из текста 1 Петр.3:19, “... которым Он (Христос или Енох?) и находящиеся в темнице духам, сошед, проповедал”. С 1772 г, когда Бойер включил это исправление во второе издание “*Critical Conjectures*”, и по сегодняшний день многие ученые, в том числе Джеймс Моффат и Эдгар Гудспид, которые ввели его в свои переводы Нового Завета, одобряют этот шаг. (Об истории этого исправления и ученых, принявших его, см. *Metzger B. M. Journal of Religion*, XXXII, 1952, p. 256f.) Что можно сказать об этом исправлении? Нужно признать, что точное значение 1 Петр.3:19 в общепринятом тексте трудно установить. Предлагались различные интерпретации этого места. С точки зрения палеографии, предлагаемое исправление выглядит очень удачным (εν ω και и Ενωχ в унциальной рукописи удивительно похожи: ΕΝΩΚΑΙ [ΕΝΩΧ]). Тем не менее, поскольку введение нового объекта нарушает стройность контекста и целостность аргументации, оно не может быть принято — так как исправление, которое влечет за собой новые трудности, нежизнеспособно.

